

ЭТИКА ГОСТЕПРИИМСТВА И СВЕТСКИХ ПРИЕМОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭНТОНИ ТРОЛЛОПА)

Нелли Зефаровна Шамсутдинова

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков № 1
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный переулок, 36
nellie.shamsutdinova@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7318-892X>

Статья поступила в редакцию: 11.03.2024

В статье рассматриваются некоторые вопросы этикета, характерные для английского светского общества второй половины – последней трети XIX в., а также общепринятые нормы поведения, сформировавшиеся в викторианскую эпоху. Кроме того, в работе сопоставляются понятия этикета и этики и прослеживается этимология этих терминов; особое внимание уделяется таким формам проявления известного английского гостеприимства, как светские приемы, званые обеды, визиты. На примере произведений Энтони Троллопа анализируется взаимосвязь английской культуры с европейской и влияние, оказанное викторианской эпохой на мировую культуру в целом.

Ключевые слова: викторианская эпоха, викторианский роман, Энтони Троллоп, этика, гостеприимство, этикет, светское общество.

XIX век в Англии неразрывно связан с именем королевы Виктории, правление которой началось в 1837 году и продолжалось до 1901 года. И хотя в литературоведении принято разделять этот период на ранний, средний и поздневикторианский, нельзя не отметить общие черты, характерные для культуры той эпохи, которые нашли отражение в произведениях английского писателя.

Именно во время правления королевы Виктории в Англии сформировался средний класс и образ джентльмена галантной эпохи с определенным кодексом чести. Кроме того, это было время промышленной революции, благодаря которой в Англии появилось метро, сеть железных дорог, тротуары и водопроводы, а также фотография и музыкальная шкатулка. И даже традиционный английский завтрак, включающий высококалорийные продукты (бекон, тосты, яйцо, фасоль и кружку эля),

получивший распространение преимущественно в домах среднего и высшего класса, тоже появился в эпоху, называемую викторианской.

В это же время возникает и входит в обиход понятие этикета викторианской эпохи. Если обратиться к значениям самих терминов «этика» и «этикет», то взаимосвязь между этими понятиями очевидна. Изначально слово «этика» (от греческого – нрав, обычай), которое мы воспринимаем как философскую дисциплину, исследующую нравственность и мораль, означало «совместное жилище и правила, порожденные совместным проживанием, нормы, сплачивающие общество, способствующие преодолению индивидуализма и агрессивности» [Толковый словарь русского языка 1935–1940: 718]. Этикет подразумевает определённый порядок образа действий, поведения, форм обхождения. И если правилам этикета необходимо обучаться, то этика предполагает мышление. В своей книге “A History of English Etiquette and Good Manners” (История английского этикета и хороших манер) Бен Джонсон определяет этикет как «правила поведения, помогающие производить приятное впечатление и строить эффективное общение. Он включает в себя опрятность, культуру речи, вежливость и умение держаться в различных ситуациях» [Johnson 2024: URL]. С одной стороны, правила этикета отражают общечеловеческие нормы общения, которые свойственны многим народам. С другой стороны, этикет является сводом установленных правил и норм, регулирующих поведение человека в той или иной социальной ситуации.

Таким образом, можно выявить взаимосвязь двух этих терминов: этика рассматривает проблемы морали в более широком аспекте, этикет же конкретизирует нормы этики.

Хотя хорошие манеры и социально приемлемое поведение ассоциируется, прежде всего с английским обществом (джентльменский поступок, кодекс джентльмена, истинная леди – понятия, вызывающие вполне определенные ассоциации не у англичан), само слово *etiquette* (этикет) является заимствованием из французского, которое буквально означает «прикреплять», «придерживаться». Принято считать, что современному значению слова «этикет» мы обязаны Людовику XIV, который использовал «этикетки» – таблички, напоминавшие придворным об определённых дворцовых правилах, в частности о том, в каких участках дворцовых садов им не следовало прогуливаться [Johnson 2024: URL].

Само понятие «английский джентльмен», особенно актуальное в викторианских романах – у Ч. Диккенса, У. Теккерея, Э. Тrolлопа, Б. Дизраэли – претерпело со временем некоторые изменения по мере того, как менялись социальные условия. Как отмечает К. Хьюитт в

своей книге “Understanding English Literature” (1997), «ценности социально-доминирующего класса общества обыкновенно находят отражение в литературе. Поскольку они определяют способ применения власти в этом обществе, они являются ценностями, которые, скорее всего, будут одобряться или оспариваться, подвергаться нападкам или испровергаться писателями, о них размышляющими» (Перевод Н. Шамсутдиновой) [Hewitt 1997: 240]. По мнению К. Хьюитт, в литературе XVII века (в частности, у Шекспира) «внешний вид благородного человека должен быть привлекательным и в то же время указывать на его моральный облик». В более поздний период, понятие «джентльмен» в английской литературе применяется по отношению к человеку «родовитому, светскому, военному, который храбр в бою и остроумен в компании сверстников, внимателен и уважителен к дамам, верен тем, кому поклялся в верности, человек чести» [Hewitt 1997: 241–242]. На протяжении XVII в. Британия усиливала свои коммерческие интересы, будучи всегда в большей степени коммерческой нежели стратегической империей. В начале XVIII в., когда Лондон был одним из крупнейших городов мира, торговля была гораздо важнее, чем даже военные интересы, и образ джентльмена, сложившийся в эпоху Возрождения, уже становится не актуальным. Несмотря на то, что финансисты и представители торгового сословия работали на процветание страны в целом, превосходство в социальной иерархии ассоциировалось в первую очередь не с торговлей, а с владением землей. Возможно, большую роль в этом сыграло сословие джентри. В течение многих столетий в Англии существовали крупные землевладельцы, большинство из которых получали титулы и становились таким образом аристократами. В своих владениях они были чрезвычайно влиятельными. Представители джентри были мелкими землевладельцами, однако, это позволяло им жить в домах гораздо больше фермерских и владеть двумя или тремя фермерскими хозяйствами, которые они сдавали в аренду. И если фермеры-арендаторы жили на то, что возделывали землю, то джентри жили на ренты, получаемые со своей земли. Это означало, что они могли себе позволить заниматься другими вещами, участвовать в политической жизни или другими делами в месте их проживания.

Представители сословия джентри считали себя джентльменами, хотя само понятие «джентльмен» гораздо шире, чем «джентри». Более крупные землевладельцы, титулованные наследники придворной знати, получившей титулы еще в эпоху Возрождения, тоже назывались джентльменами. Таким образом, понятие «джентльмен», по крайней мере в XVIII в., относилось к двум социальным группам, а в XIX веке и к другим социальным слоям. Основными характеристиками,

объединявшими эти две группы, были владение землёй и отсутствие необходимости зарабатывать на жизнь, так как в начале XVIII века земля стала источником огромного благосостояния. В отличие от России, где состояние землевладельца исчислялось «душами», в Англии благосостояние зависело от плодородной и хорошо возделанной земли. Мягкий климат и относительно небольшие расстояния способствовали тому, что многие английские джентльмены предпочитали жить в загородном именье. И чтобы вести там достойный образ жизни, им необходимо было, кроме земли, иметь достойный дом, который действительно мог быть очень большим. Как правило, дом крупного землевладельца подразумевал еще и живописные сады, солидные усадебные постройки и коттеджи для рабочего люда, окруженные тысячами акров земли, приносящей прибыль. В таком доме могло быть пять или шесть комнат, а также комнаты для слуг и прочие подсобные помещения и хозяйственные постройки (например, конюшни). Причём строились подобные дома исключительно из кирпича или камня. Последствием такой сельской жизни было то, что две социальные группы – аристократов (герцогов) и джентри – разделяли общие ценности. Сельская жизнь подразумевала возделывание земли как обязанность: поля должны были быть осушены и приведены в порядок, изгороди и ворота отремонтированы, а арендные хозяйства находиться в исправном состоянии. В этом был определённый смысл, так как земля приносила прибыль, но это также стало обязанностью, которая ассоциировалась с новым представлением о «джентльмене». Живописный парк также является обязательным атрибутом приличного английского дома. Как отмечает В. П. Шестаков в своей работе «Английская литература и английский национальный характер», «английское понимание природы лучше всего реализуется в особенностях “английского парка”, который, в отличие от “французского” основан не на строгих геометрических линиях и подчинении природы разуму: “английский парк” так же естественен, как и сама природа» [Шестаков 2010 : 32].

Если вспомнить знаменитый труд Аристотеля по этике, то в нём он, в частности, отмечает, что вопросы морали неразрывно связаны с понятием блага: «Благо – это то, к чему мы все стремимся... Благо человека заключается в деятельности души... Точно так же мы назначение человека видим в известного рода жизни, а именно – состоящей в разумной душевной энергии и деятельности, а назначение хорошего человека – в хорошем и прекрасном выполнении этой деятельности» [Аристотель 2022: 21]. «Добродетель, как кажется, есть возможность приобретать блага и сохранять их, и вместе с тем возможность делать благодеяния другим» [Аристотель 2022: 540]. Эти мысли философа

находят отражение в творчестве викторианских писателей. Не случайно в произведениях Энтони Троллопа присутствуют персонажи, «приобретающие и сохраняющие блага», стремящиеся совершать благие дела. Таковой является мисс Торн и её брат Уилфред Торн в романе Энтони Троллопа «Барчестерские башни» (1857), леди Гленкора в «Детях герцога» (1879) и другие.

Требования викторианской морали предъявлялись только к представителям среднего и высшего сословий и не распространялись на рабочих, крестьян, мелких торговцев, моряков и солдат, живших в весьма скромных условиях, а чаще всего – в нищете. Лишнее подтверждение тому – определение этикета, которое предлагает Оксфордский словарь: «Общепринятый кодекс вежливого поведения в обществе или среди представителей определенной профессии или группы» [The Oxford English Dictionary: URL].

До викторианской эпохи не существовало хорошо известного чаепития (five-o'clock tea). Чай в пять часов с выпечкой и сэндвичами в XIX в. становится, в основном, привилегией английских аристократов и представителей среднего класса, так как представители этих слоёв общества имели обыкновение обедать довольно поздно, иногда в 20:00 или позже. Викторианский ужин требовал строжайшего соблюдения правил этикета, и малейшее отступление от этих правил было колоссальным социальным «проколом». Любой представитель высшего света должен был знать соответствующие его статусу правила этикета, тонкости поведения и манер, что являлось проявлением вежливости. Именно этикет являлся механизмом социального общения в викторианскую эпоху.

Например, согласно этикету, гости должны были прибывать на званный обед с опозданием как минимум на пятнадцать минут. Собравшись в гостиной, им следовало дожидаться, когда слуга объявит о готовности обеда и только потом проследовать в столовую. Такая церемония тщательно планировалась, возглавляли процессию самые почтенные особы. Для хозяйки, планировавшей подобное мероприятие, особенно важно было правильно организовать порядок такой процессии, чтобы никого не обидеть или просто не попасть впросак. Как правило, сам обед состоял из 10 блюд и десерта. Джентльменам полагалось развлекать беседой даму, сидящую справа от него. Поэтому, если среди приглашенных должны были быть неженатые люди, то хозяйке предстояло продумать и то, кого и с кем поставить в пару. Среди правил были и такие, которые сейчас, по меньшей мере, воспринимаются как нелепые: например, молодым леди нельзя было прилюдно есть апельсин.

Детальное описание многочисленных визитов и светских приёмов отличает многие романы Энтони Троллопа, особенно его «Паллизеровский цикл» – романы о политике и аристократе Плантагенете Паллизере («Дети герцога», «Бриллианты Юстэсов» (1873), «Премьер-министр» (1876) и др.). Если представитель почтенного английского семейства приезжал в город на длительное время, то ему необходимо было объехать всех знакомых и оставить свои визитные карточки, объявляя тем самым о своем присутствии и намерении принять старых знакомых. Причем официальные приемы или визиты не предполагали ношения эффектной одежды, так как правила этикета обязывали выбрать простой прогулочный костюм или платье. Традиционно такие посещения называли «утренним приёмом», хотя в викторианскую эпоху такие визиты были вряд ли возможны раньше полудня. Находясь дома, дама могла ожидать гостей каждый день с 15:00 до 17:00, при этом она должна была быть одета должным образом. Чем ближе было знакомство, тем позже мог быть нанесен визит.

Для введения дамы или джентльмена в высшее общество было необходимо знание социальных рейтингов, так как лондонское общество представляло собой строгую иерархию, в которой была своя элита – члены королевской семьи, политики, представители титулованной знати, богатые промышленники. Титулованная знать была представлена двумя категориями – пэрами (герцоги, графы, маркизы, бароны, виконты) и баронетами и рыцарями. Следующую ступень занимали джентри, т.е. нетитулованные дворяне, священнослужители, армейские и морские офицеры, промышленники, адвокаты, люди искусства. В романе Э. Троллопа «Премьер-министр» одному из главных героев, не обладающему какими-либо титулами, – Фердинанду Лопецу приходится приложить немало усилий, чтобы быть принятым в высшем свете. Всячески скрывая своё истинное финансовое положение и происхождение, он пытается произвести впечатление на английских аристократов, и ему это удаётся: он женится на дочери адвоката Вортон и даже предпринимает попытку участвовать в выборах. Немало трудностей приходится преодолевать Фрэнку Тригиру (роман «Дети герцога»), так как он считал себя молодым человеком высшего дворянского рода, «призванным по рождению и по положению, жить в самой знатной и в самой изящной среде» [Троллоп 1882: 25]. Он бы и мог вращаться в этой среде, если бы кроме знатности и ума эта среда не требовала ещё и большого состояния.

Как отмечает в книге «История Англии» Дж. М. Тревельян, «социальные привычки людей и экономические обстоятельства их жизни [...] всегда находятся в движении, но они никогда не меняются полностью или все сразу. Старое частично проникает в новое, и притом в такой

мере, что часто возникает вопрос, следует ли приписывать какую-нибудь тенденцию в мыслях или практике именно данному поколению или следующему» [Тревелиян 2001: 577]. Во второй половине XIX в. форма аристократических званых обедов кардинально изменилась. Если раньше в Великобритании была принята французская форма подачи блюд, т.е. все яства выставлялись на стол одновременно, то позже от неё отказались в пользу очередности блюд. Обычный званый ужин или обед включал три перемены блюд: супы и рыба (первая подача), мясные блюда (вторая) и сладкие угощения и дичь (третья).

Богатейшая английская литература XIX в. наглядно отражала события и нравы английского общества. Как отмечает в своей статье В. А. Бячкова, «...Ч. Диккенс и Ш. Бронте, наряду с другими писателями середины XIX в., как известно, в своих произведениях рисуют портрет своей эпохи, описывают жизнь своего современника со всеми ее обычаями, традициями, проблемами и противоречиями и пр.» [Бячкова 2020 : 147]. Но, пожалуй, ни один английский писатель XIX в. не был так предан своей эпохе, как Энтони Троллоп. Один из наиболее ярких романистов XIX века, в своих сорока семи романах он буквально воспел в прозе викторианскую эпоху, её нравы и традиции.

Жизнь лондонского высшего общества XIX в. прочно ассоциируется с понятием «Сезона» (*Season*) [Коути 2017: 276], к которому высший свет, да и не только высший (например, многочисленные представители джентри в романе Э. Троллопа «Барчестерские башни»), готовился, тщательно продумывая свой гардероб для многочисленных балов, приёмов, посещения театров, скачек и т.п. Подтверждение тому находим во многих произведениях автора, например, в романе «Премьер-министр», а также в романе «Паллизеровского цикла» «Дети герцога». Джорджиана Лонгстафф в романе «Вот так мы теперь живём» (1875) воспринимает отказ отца провести сезон в Лондоне как «чёрную измену в их собственном лагере», «неслыханным предательством», считая, что её принесли в жертву, так как жизнь в Кавершеме для неё совершенно невыносима [Троллоп 2023: 173–179]. «Джорджиана прямо сказала отцу и матери, что она должна быть летом в Лондоне...» [Троллоп 2023: 262]. В отчаянии Джорджиана принимает приглашение Мельмоттов погостить два месяца во время летнего сезона у них в Лондоне, хотя она, как и многие представители английской знати, считают, что Мельмотты – люди с сомнительным прошлым, глава семьи, возможно, мошенник, а хозяйка дома – вульгарная особа.

Понятие (светского) Сезона появилось еще в XVII–XVIII вв., но именно в XIX веке оно становится неотъемлемой частью светской жизни английского общества. Представители лондонской аристократии жили в

основном в своих загородных поместьях и приезжали в Лондон к парламентским заседаниям, которые проходили с февраля по август. Таким образом, «Лондонский сезон» подразумевал не только приезд в столицу и участие в лондонских мероприятиях, но и особый круг общения, который предполагало лондонское общество членов парламента и их семейств. Так, например, Уилфред Торн из Уллаторна в романе Э. Троллопа «Барчестерские башни», владелец поместья, был джентльменом и первым человеком в своем приходе, питавшим величайшее уважение к крови и гербам. Каждый год он отправлялся в Лондон примерно на полтора месяца и «не жалел усилий, чтобы там выглядеть вельможей. ... Он знал наперечет своих собственных предков, живших в веках, предшествовавших нормандскому завоеванию» [Троллоп 2013: 184].

Наиболее важным событием для юных дам из аристократических семей было представление при королевском дворе, что являлось обязательным условием выхода в свет при достижении восемнадцатилетнего возраста. Подготовка к представлению в Сент-Джеймском дворце длилась несколько месяцев и включала пошив платья, специально предназначенного для этого события (как правило, декольтированного и с длинным шлейфом), выбор украшений и аксессуаров – таких как перья, украшавших голову юной особы, которую обязательно должна была сопровождать поручительница – дама, занимающая высокое положение в обществе и уже ранее представленная ко двору, в большинстве случаев – мать. После соответствующей церемонии, которая длилась около двух минут, юная леди становилась участницей Лондонского Сезона и начинала поиск кандидатов в мужья (тема, являющаяся одной из сюжетобразующих в романах «Дети герцога», «Вот так мы теперь живём»). В частности, светское общество, и в первую очередь герцог Омниум, не одобрил выбор дочери Мери, так как предполагалось, что она должна была обратить внимание на кого-то более знатного, чем на сын корнуэльского сквайра, – мистер Фрэнк Тригир. Сама же леди Мери считала, что питала презрение к громким титулам, так как знатность «ограничила её выбор сравнительно небольшим числом людей», которые не представлялись ей достаточно одарёнными [Троллоп 1882: 41].

Викторианцы придавали особое значение важности ношения одежды, которая должна была соответствовать случаю. Если в начале XIX века женские платья скорее характеризовались простотой фасона, то моды викторианской эпохи отличает изысканность нарядов. Женский гардероб, как правило, состоял из множества платьев самых разных фасонов для всевозможных случаев – для обедов и балов, для прогулок и поездок за город и т.п. Наиболее яркие элементы моды викторианской поры – это корсеты и кринолины (от французского *crin* – конский волос);

сначала кринолином называли ткань на основе конского волоса, а позже – основу (или каркас) платья в виде клетки, позволявшей придать одеянию особую форму. И если кринолины могли позволить себе дамы из достаточно обеспеченных семейств, то корсеты носили в викторианскую эпоху все женщины. Кроме того, всплеск моды на кринолины совпал с развитием текстильной промышленности в Англии.

Очень показателен в этом смысле образ мисс Торн в романе Троллопа «Барчестерские башни»: «Ее наружность и туалеты были само совершенство, и она прекрасно это знала. ... Она чрезвычайно гордилась тяжелыми шелковыми платьями, в которых, шурша, входила в свою гостиную... Её гардероб насчитывал двадцать девять шелковых юбок, «и, каждая, будучи поставлена на пол, останется стоять!» [Троллоп 2013: 191]. В день праздника, устраиваемого для местных жителей, мисс Торн уже в семь часов утра спустилась вниз в полном туалете. «Она скорее вышла бы к брату без чулок, чем без корсета, а корсет мисс Торн отнюдь не был пустячком» [Троллоп 2013: 326].

Понятие светскости в викторианскую эпоху предписывало как джентльменам, так и дамам быть красивыми, статными, любезными, разумными, общительными. Мужчины должны были обладать манерами джентльмена, а для светских дам викторианской эпохи было важно быть не только утонченными и очаровательными, но и одетыми по последней моде [Первушина 2016: 84]. Возможно, светский этикет викторианской эпохи, способствовал формированию аналогичного мировоззрения у европейцев и российской интеллигенции. Высказывание классика русской и мировой литературы А.П. Чехова о том, что в человеке «всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...», станет широко известно несколько позже; оно остается часто цитируемым и по сей день. А примерно через сто лет в России выйдет учебник светского этикета, в котором в частности отмечается, что «в общественной жизни ровное и всегда дружелюбное расположение может считаться светской добродетелью, заменяющей нередко красоту, таланты и даже ум» [Первушина 2016: 84].

Балы как основные события социальной жизни викторианской эпохи были достаточно формальными. В программу бала входил ужин, карточные игры и музыка с танцами. До XX в. в Англии были очень популярны «народные танцы» (контрдансы), которые стали неотъемлемой частью балов. Еще в середине XVII в. в Англии их существовало около ста видов. Вот как описывается приготовление к балу в книге Кассела (*Cassell's Book of Knowledge*): «Хозяйка всеми доступными средствами старалась подготовить дом к приёму гостей. Двери снимались с петель, удалялись ковры, полировались полы, добавляли свет везде, где это

было возможно, составляли блюда и рассчитывали порции, заказывали цветы и нанимали оркестр» [Cassell 2024 : URL]. Именно такой приём готовят мисс Торн и её брат в романе Э. Троллопа «Барчестерские башни». Грандиозный бал устраивает Огюстес Мельмотт (роман «Вот так мы теперь живём») в своём сияющем по этому случаю огнями шикарном особняке на Гровенор-Сквер: «Широкую веранду превратили в подогреваемый зимний сад и наполнили сказочно дорогими тропическими растениями. [...] Дом был украшен так, что, войдя, вы не понимали, где очутились. Вестибюль стал раем, лестница – волшебной страной, коридоры – папоротниковыми гротами. Внутренние стены снесли и соорудили арки. Дорожки за домом огородили, накрыли крышей и застелили коврами. Бал проходил на первом и втором этаже, а сам дом казался бесконечным. [...] Три салона на первом этаже были приготовлены для танцев... [Герцогиня] поручила своему племяннику дать указания оркестру...» [Троллоп 2023: 36–37].

Приём гостей неразрывно связан с понятием английского гостеприимства. В модном российском журнале за 1866 год, в частности, отмечается, что «англичане, надо отдать им справедливость, превзошли всех европейцев в знании удобств домашней жизни и комфорта... и отличаются необыкновенным умением принимать у себя друзей, сообразно с правилами высшего гостеприимства. Ни один лорд, ни один баронет, ни один деревенский сквайр, даже ни один удалившийся от дел торговец, если только у него завелось десять тысяч фунтов стерлингов дохода – не откажет себе в удовольствии принимать и угощать множество посетителей во время своего пребывания в деревне» (цит. по: [Особенности английского гостеприимства: URL]).

Примером званого вечера может быть устроенный мисс Торн сельский праздник в романе Троллопа «Барчестерские башни», на который съехался весь свет «во всяком случае, та его часть, которой мисс Торн разослала приглашения» [Троллоп 2013: 321]. Мисс Торн была «кiziaщной маленькой старушкой», представительницей джентри. Как отмечает автор, всё утро торжественного дня она пребывала не только в великих треволнениях, но и в блаженстве, в то время как ее брат мистер Торн и управляющий поместьем мистер Пломаси трудились, не покладая рук. Для мисс Торн подготовка праздника – это не столько приём гостей и утверждение своего статуса в глазах общества, но «деятельность души», что является очень тонкой отсылкой автора к идее Аристотеля.

Праздник имел строгий регламент и для знати начинался с двух банкетов: знать должна была завтракать, а «незнять» (низшие классы) – обедать. Для этого предполагалось воздвигнуть два шатра по разные

стороны изгороди – садовая или эзотерическая сторона предназначалась для знати, а экзотерическая или луговая – для остальных. Троллоп с иронией отмечает, что «лишь те, кто хоть раз принимал участие в подобных приготовлениях, способны понять, с какими трудностями пришлось столкнуться мисс Торн. Не будь она с ног до головы сотворена из лучшего китового уса, скрепленного лучшей йоркширской сталью, она пала бы под их тяжестью. ...принимать гостей, а главное, развлекать их... – дело в наши дни настолько хлопотное, что остается только удивляться, почему люди с такой охотой берутся за него» [Троллоп 2013: 331].

Наиболее сложной задачей, стоящей перед организаторами праздника в этом романе, было проведение роковой границы, которая должна была отделить знатных гостей от всех прочих. Предполагалось, что епископу будет отведено кресло на лужайке, а фермеру Гринкару – место во главе длинного стола на выгоне. Сложнее дела обстояли с семейством уллаторнского арендатора Лукелофта, чьи дочери обучались в пансионе для благородных девиц и ставили перед своим именем «мисс». Сам арендатор охотился с гончими, в его доме под названием «Розовый куст» в гостиной стояло фортепиано, а его супруга наверняка не захотела бы порочить свой кринолин прикосновением к скамье, но и пересадить ее по другую сторону изгороди рядом с женами и дочерьми других почтенных земледельцев не представлялось возможным. Лакей «прекрасно знал, что Миссис Лукелофт тут не место, но ему не хватило духу объяснить даме в декольтированном платье с короткими рукавами из атласа по восемь шиллингов за ярд, что она ошиблась дверью: он не посмел намекнуть барышням в белых бальных туфельках и длинных перчатках, что им отведено место на выгоне. И миссис Лукелофт добилась своего, прорвалась мимо стражи и проникла в крепость. Она заранее знала, что ничего приятного её там не ждет. Но зато впредь она сможет с полным правом хвастать, что пребывала на лужайке в обществе их сквайра, мисс Торн, графини, епископа и всей окрестной знати, пока миссис Гринакр и ей подобные бродили по парку с батраками» [Троллоп 2013: 334].

Разделить гостей между шатром и залой было также нелегкой задачей для мисс Торн, и потому она даже отказалась от мысли заранее разделить гостей. Кроме того, высокородные господа наверняка должны были приехать в смешанных костюмах – полуутренних, полувечерних: «атласные галстуки, сюртуки, палевые перчатки и лакированные сапожки, а в подобной одежде они откажутся от упражнений с копьём и уклонятся от участия в прочих атлетических играх», которые мисс Торн подготовила с такой любовью [Троллоп 2013: 335].

В день праздника в Уллаторне с раннего утра начались хлопоты. «Еще до рассвета повара уже жарили и варили, а с первыми лучами зари слуги начали вытаскивать столы и обивать скамьи красным сукном» [Троллоп 2013: 325]. Как гостеприимная хозяйка, она проверяла, все ли готово к празднику: «Она выглянула на лужайку, а потом засеменила на кухню. Оттуда она отправилась в тот уголок небольшого парка, который был отведен под состязания с копьём. Столб, поперечина, вертлюг, мишень и мешок с мукой – все было готово. Мисс Торн взобралась на плотничью скамью и потрогала мишень. Поперечина сразу повернулась – вертлюг был смазан на совесть» [Троллоп 2013: 326]. В это ристалище она вложила столько любовной заботы; эту игру она приготовила для развлечения «могучих йоменов», считая ее забавой, возвышенной любовью огромного числа их предков. Хотя, как отмечает автор, состязания с копьём были забавой нормандских рыцарей, приспособлением благородных турниров ко вкусам и привычкам йоменов-саксов, о чем мисс Торн не знала.

Проявлением гостеприимства является и то, что мисс Торн играла гостям на свирели, «предлагала простой и честный домашний пирог с изюмом, на который пошли лучшая мука, сахар и яйца [Троллоп 2013: 332]. Пригласив гостей к 12:00, в половине первого она еще пребывала в полном одиночестве, так как согласно этикету своего времени, гости прибывали с опозданием. Первая светская гостья – миссис Кленцентрем – прибыла без четверти час.

В книге по истории Англии Дж. М. Треvelyян отмечает, что «наиболее заметные изменения тенденций викторианской Англии можно отнести к шестидесятым и семидесятым годам. Старые вехи еще существуют, но они больше уже не являются столь заметными. Территориальная аристократия еще господствует в сельских областях и еще руководит обществом в Лондоне и на собраниях в своих сельских поместьях, еще процветает индивидуальный делец с его несомненными, хотя и ограниченными добродетелями» [Треvelyян 2001: 577–578].

Таким образом, викторианская эпоха в Англии ознаменовала особый период в истории страны, создавшая свою неповторимую культуру, моду, этикет. Соблюдение множества правил этикета в викторианскую эпоху было необходимо по нескольким причинам. Прежде всего, владение этикетом чётко обозначало принадлежность к той или иной социальной группе. Это, в свою очередь, давало возможность закрепить свой статус среди культурной элиты, а в некоторых случаях – встать на ступень выше или даже войти в высшее общество. Демонстрация дома, поместья, сада, не только служила проявлением индивидуальности, но и

вместе со знаменитым английским гостеприимством было деятельностью души, стремлением к благу.

Сложившаяся на протяжении многих столетий, культура Великобритании отличается одной из самых богатых историй в мире. Наиболее характерные и общеизвестные черты представителей английской нации, такие как консерватизм и верность традициям, нашли отражение во многих сферах жизни британцев. Культура Великобритании в целом, как и культура викторианской эпохи в частности, оказала значительное влияние, прежде всего, на европейскую культуру и на мировую культуру в целом.

Список литературы

Аристотель. Этика, политика, риторика, избранные афоризмы/ пер. с древнегреческого Э. Л. Радлова. М.: Эксмо, 2022. 542 с.

Бячкова В. А. Охота к перемене мест? (Парадоксы и особенности расставания с родным домом героя-ребенка в викторианском романе) // Известия ЮФУ. Филологические науки, 2020. С. 146–157.

Коути Е. Женщины викторианской Англии. От идеала до порока М.: Алгоритм, 2017. 320 с.

Особенности английского гостеприимства. URL: https://dzen.ru/a/Уе_Ю0оо2IUy_32mY?ysclid=Izi9urx4d7102419607 (дата обращения: 11.04.2024).

Первушина Е.В. Гордость и предубеждение женщин викторианской эпохи. М.: Алгоритм, 2016. 406 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Ушакова Д. Н. М.: Сов. энцикл., ОГИЗ, 1935–1940, т. 4. 1502 с.

Треvelyан Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. Смоленск: Русич, 2001. 614 с.

Троллоп Э. Барчестерские башни / пер. с англ. И. Гуровой. М.: Изд-во АСТ, 2013. 608 с.

Троллоп Э. Вот так мы теперь живём / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М.: Изд-во Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. 830 с.

Троллоп Э. Дети герцога» [пер. с англ.]. Санкт-Петербург: Изд-во: Е.Н. Ахматова, 1882. - 640 с.

Шестаков В. П. Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.

Cassell's Book of Knowledge. URL: <https://encyclopaediaantiquus.wordpress.com/category/cassells-book-of-knowledge> (last accessed: 11.04.2024).

Hewitt Karen. Understanding English Literature. Нижний Новгород: Perspective Publications, 1997, 279 p.

Johnson B. A History of English Etiquette and Good Manners. URL: <https://www.historicuk.com/CultureUK/British-Etiquette>. (last accessed: 11.04.2024).

The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (last accessed: 11.04.2024).

**ETHICS OF HOSPITALITY AND SECULAR SOCIETY PARTIES
IN THE CONTEXT OF VICTORIAN CULTURE
(BASED ON EXAMPLES FROM
ANTHONY TROLLOPE’S WRITINGS)**

Nellie Z. Shamsutdinova

Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1
Plekhanov Russian University of Economics

115054, Russia, Moscow, Stremyanny Lane, 36

nellie.shamsutdinova@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7318-892X>

Submitted: 11.03.2024

The paper deals with some issues of etiquette typical for English secular society in the second half – last third of the XIX century, as well as norms of behavior being accepted in the Victorian era. The paper also traces the etymology of term etiquette and ethics, comparing these two concepts. Special attention is paid to such forms of famous English hospitality as social receptions, dinner parties, and visits. Using some writings by Anthony Trollope as an example, the paper analyses the relationship between English and European cultures and the influence of the Victorian era on world culture in general.

Key words: Victorian era, Victorian novel, Anthony Trollope, ethics, hospitality, etiquette, high society.

Пробьба сьсылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шамсутдинова Н. З. Этика гостеприимства и светских приемов в контексте культуры викторианской эпохи (на примере произведений Энтони Троллопа) // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 18 (24). С. 84–97. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-84-97

Please cite this article in English as:

*Shamsutdinova N. Z. Etika gostepriimstva i svetskih priemov v kontekste kul'tury viktorianskoj epohi (na primere proizvedenij Entoni Trollopa) [Ethics of Hospitality and Secular Society Parties in the Context of Victorian Culture (based on examples from Anthony Trollope’s Writings)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 18 (24), pp. 84–97. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-84-97*